

УДК 340

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)

Исследуется феномен национального суверенитета с исторических, политических и культурологических позиций. Объясняется, в силу каких причин, осложнено понимание проблемы. Показано различие между терминами «народ» и «нация». Категория «нация» рассматривается в контексте основных положений Конституции Республики Беларусь. Отмечается особая значимость правильного решения вопроса о национальном суверенитете для федеративных государств, в качестве примера изучается опыт Российской Федерации. Проблемы суверенности субъектов федерации представлены в особенностях контекста международного права. Актуализируется нерешённый до наших дней вопрос о праве наций на самоопределение. Отмечается противоречивость фундаментальных принципов международного права – права народа на самоопределение и территориальную целостность государства. Приведены точки зрения ведущих учёных, занимающихся данной проблематикой.

Введение. Вопрос о национальном суверенитете крайне сложен в изучении. Относительно государственного и народного суверенитета с большой долей уверенности можно сказать, что в проблематике по данным направлениям расставлены все основные точки над «i», чего нельзя сказать о суверенитете национальном. В последнем случае исследовательская задача гораздо более широкая и глубокая, поскольку включает в себя не только юридическое, но также историческое, политическое, культурное и даже этическое измерение. В белорусской конституционной науке исследованию национального суверенитета не уделяется должного внимания, к тому же и сам термин «нация» не употребляется в Основном Законе и конституционном законодательстве.

Основная часть. Понимание проблемы «национального суверенитета» осложнено как минимум тремя обстоятельствами. Во-первых, в современной науке не существует единого подхода в понимании такой категории, как «нация» (в отличие от, например, «государства» и «народа»). Во-вторых, не определено соотношение между терминами «нация» и «народ». В-третьих, идея национального суверенитета должна быть четко обозначена и сформулирована самим государством, что на сегодняшний день представляет очевидную политическую проблему. Во взаимосвязи этих составляющих представим свое понимание вопроса.

Термин «нация» происходит от латинского «*natio*», что дословно означает «народ», однако в эпоху Античности и Средневековья понятие *natio* не означало то, что мы подразумеваем сейчас под этим словом. Однако феномен нации и по сегодняшний день остается только названным, но не разъясненным.

В современной юридической литературе подходы к пониманию «народа» и «нации» выглядят следующим образом [1, с. 371, 374]:

Народ: 1) в теории конституционного права все население данного государства, образующее единую социально-экономическую и политическую общность независимо от деления его на какие-либо национальные общности. Понятие «народ» означает и обособленную от других национально-культурную общность, которая может и не быть связана с территорией какого-либо государства (в этом случае термин «народ» синонимичен термину «нация», «этническая общность»); 2) субъект международно-правовой системы прав народов. Народ впервые стал общепризнанным субъектом международного права в 1945 году в результате закрепления в Уставе ООН принципа «равноправия и самоопределения народов». Вместе с тем общепринятого всем международным сообществом понятия «народ» до сих пор нет. Не только в международно-правовой, но и в этнографической литературе дискуссии на эту тему идут с XIX века. На основе большинства определений народ – это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая общность людей, отличающихся от остальных единым языком, относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также осознанием своего единства и фиксированным самоназванием. На практике понятие «народ» в разных случаях включает племя, группу племен, народность, этническую нацию, религиозную общность, языковую общность.

Нация (лат. *natio* – племя, народ): 1) в теории права – историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры и характера, которые составляют ее признаки. В некоторых случаях синонимом нации является понятие «народ»; 2) в конституционном праве англо- и романоязычных стран – термин, обычно имеющий значения «государство», «общество», «совокупность всех граждан».

В конституционном законодательстве европейских стран понятия «нация» и «народ» чаще всего отождествляются. Например, в Конституции Италии закрепляется суверенитет народа, а во французском

Основном Законе упоминается о национальном суверенитете, но трактовка этого термина сливается с понятием «суверенитет народа». В Конституции США о суверенитете народа или нации вообще ничего не говорится.

Конституция Республики Беларусь, провозглашая в преамбуле «неотъемлемое право на самоопределение», терминов «нация» либо «национальный суверенитет» не содержит. Правда, в Декларации о суверенитете БССР 1990 года употреблялось два термина: «народ Беларуси» и «белорусский народ». По этому поводу В.А. Круталевич отмечал, что «в первом случае имеются в виду все проживающие в республике граждане независимо от национальной принадлежности, во втором – белорусы» [2, с. 79].

В действующей Конституции не употребляется последнее понятие. Нигде не указано, что Основной Закон наделяет белорусов, составляющих более 80 % населения Республики, какими-либо дополнительными правами. Однако слово «национальный» встречается в Конституции многократно: «национальная вражда» (ст. 5); «национальная принадлежность» (ст. 12, 50); «национальные общности» (ст. 14, 15); «национальная безопасность» (ст. 23, 79); «национальные традиции» (ст. 52); «национальные ценности» (ст. 54); «Национальное собрание» (ст. 90 и др.); «Национальный банк» (ст. 136 и др.).

Раскрывая данный вопрос относительно Конституции Российской Федерации, М.А. Краснов и В.А. Кряжков отмечают следующее: «Под *народом* согласно смыслу Конституции РФ понимается совокупность граждан РФ, которая обладает учредительной властью и при определенных условиях вправе ее реализовать, поскольку является носителем суверенитета и единственным источником власти в России. В состав народа России входят компактно проживающие на ее территории *нации*, соединенные общей судьбой, и поэтому народ России в Конституции РФ (Преамбула, ч. 1 ст. 3) именуется как многонациональный народ» [3, с. 157].

Авторы особо подчеркивают [3, с. 385], что Конституция Российской Федерации обеспечивает самоопределение народов *в пределах Российской Федерации* (выделено нами. – *А. П.*) с сохранением исторически сложившегося государственного единства; субъекты Российской Федерации не поделены правом выхода из состава Федерации, что согласуется с положениями Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года.

Позиция М.В. Баглая сводится к тому, что «по своей природе и скрытому смыслу это не юридическое понятие, ибо ни одно многонациональное государства не станет закреплять «право» на разрушение своего единства. [...] Конституция Российской Федерации дает достаточные основания для разрешения противоречия «двух суверенитетов». В статье 3 говорится: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ». Народ, следовательно, понимается как единый и неделимый субъект – источник права. Любая нация реализует свои национальные интересы в рамках этого конституционного понятия, она, безусловно, защищена от любой формы дискриминации, а тем более угнетения со стороны кого бы то ни было. Однако это не означает, что любая нация вправе создать свое государство. Суверенитет по смыслу статьи 3 Конституции принадлежит не отдельным частям населения, а российскому народу в целом, а следовательно, любые сепаратистские решения окажутся в противоречии с Конституцией» [4, с. 104].

Как показывает развитие политической ситуации в соседней с нами стране, проблема разделения властных полномочий, разграничения предметов ведения между центром и субъектами Федерации была и остается доминирующей в области федеративных отношений. Напомним, что часть народов в России причисляется к так называемым «нетитульным» нациям, не имеющим своего национально-территориального образования. Кроме того, не существует юридического равенства и между самими национальными субъектами Федерации, о чем говорит уже само их деление на виды: республики, края, области, города федерального значения, автономные области и автономные округа. Очевидно, что федеративное устройство не будет достаточно стабильно, если отдельные субъекты в силу своего этнического состава имеют различные взаимоотношения с центральным правительством. Поэтому для Российской Федерации острый характер приобрела проблема «трансформации» национального суверенитета в государственный (например, Татарстан возвел свой суверенитет в абсолют, особо подчеркивая в статье 3 своей Конституции, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Татарстан является ее многонациональный народ»).

По данной проблеме не существует однозначных ответов. Они не разработаны в теории, а практика не знает единства и не отличается совершенством. Бесспорно, что для многих федеративных государств (Бельгия, Индия, Канада, Россия) «трансформация» национального суверенитета в государственный зависит от многих исторических, политических, оборонных, социально-культурных факторов, от прав и интересов совместно проживающих наций и народностей, позиции других субъектов федерации.

Оценивая проблему национального суверенитета, сторонники укрепления федеративного единства придерживаются приблизительно одинаковых взглядов. Так, А.В. Зиновьев считает очевидным, что «трансформация» национального суверенитета в государственный связана с правом нации на самоопре-

деление, которое, как и другие права, не является абсолютным. Если каждая нация свое право на самоопределение будет возводить в абсолют, то «мировое сообщество ожидает хаос, поэтому такая “трансформация” не всегда целесообразна, правомерна и справедлива. Особенно это касается случаев, когда коренная национальность составляет незначительный процент от всего населения данного образования. В такой “трансформации” будут проявляться несправедливость и неравноправие национальностей, составляющих большинство, а образованное государство будет нежизнеспособным» [5, с. 25].

О кризисе федерализма в России пишет С.А. Гуреев, и проблема реализации национального суверенитета им представлена следующим образом: «К 1917 году на территории Российской империи не было самостоятельных государств, с которыми Россия исходя из мирового опыта могла бы объединиться в федерацию. [...] Негативные последствия отступления от тысячелетней унитарной формы государственного устройства России сказываются в наше время. [...] Хотя в Конституции закреплены принципы государственной целостности России и принцип равноправия всех ее субъектов, фактически они не равноправны, поскольку республики в составе России названы (п. 2 ст. 5) государствами. Недостатком Конституции является, таким образом, противопоставление республик в составе федерации другим субъектам РФ, а признание субъектов федераций государствами не находит подтверждения в мировой практике создания федеративных государств» [6, с. 55].

Особую озабоченность цитируемого автора вызывают сепаратистские тенденции некоторых республик в составе Российской Федерации, объявляющих себя независимыми государствами, обладающими правом на выход из федерации, в стремлениях некоторых республик перевести свои отношения с федеральным центром в плоскость двусторонних соглашений.

И это действительно имеет место. Так, в Конституции Татарстана указано, что это *суверенное демократическое государство*, ассоциированное с Российской Федерацией на основании договора, субъект международного права, который вступает в отношения с другими государствами, обменивается с ними дипломатическими и консульскими представительствами. В Конституции Татарстана даже не указано, что он – субъект Российской Федерации. Также провозглашается верховенство на территории республики не федеральных, а республиканских законов. Здесь необходимо отметить, что во всех федеративных государствах их субъекты вправе вступать в отношения с другими странами только с разрешения высших федеральных органов своего государства и выступают в этом случае по полномочию исключительно самой федерации.

В международной практике, а также зарубежной международно-правовой доктрине признано, что субъекты некоторых федераций являются самостоятельными государствами, суверенитет которых ограничен вхождением в состав федерации, и за субъектами федерации признается право выступать в международных отношениях в установленных федеральным законодательством рамках. Международная деятельность таких субъектов может развиваться в следующих основных направлениях: заключение международных соглашений; открытие представительств в других государствах; участие в деятельности некоторых международных организаций (как правило, неполитических).

Вопросы заключения, исполнения и прекращения договоров государствами регулируются прежде всего Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года. Однако ни эта Конвенция, ни другие международные документы не предусматривают возможности самостоятельного заключения международных договоров субъектами федерации.

В то же время, как указывает П.Н. Бирюков [7, с. 56], Основной Закон Германии, например, предусматривает, что земли с согласия федерального правительства могут заключать договоры с иностранными государствами. Нормы аналогичного содержания закреплены и в праве некоторых других федеративных государств. В настоящее время в международных отношениях принимают активное участие земли ФРГ, провинции Канады, штаты США, штаты Австралии и другие образования, которые в этой связи признаются субъектами международного права.

Можно сделать вывод, что международное право не содержит запрета на установление договорных отношений между государствами и субъектами федераций и субъектов между собой. Однако международное право не относит эти соглашения к международным договорам. Для того чтобы быть субъектом права международных договоров, недостаточно быть участником того или иного международного соглашения. Необходимо еще обладать правоспособностью заключать международные договоры. В этом отношении конституционное законодательство Российской Федерации несовершенно.

Не случайно поэтому при обсуждении путей совершенствования государственного устройства России в российской юридической литературе пишется о том, что «учитывая неудачный российский опыт строительства федеративного государства наиболее приемлемой и исторически традиционной формой государственного устройства России, следует признать ее развитие на пути создания унитарного государства» [6, с. 56], а Н.Б. Пастухова, например, отмечает тот факт, что «среди юристов все большее распространение получает так называемая “этатистская концепция нации”, предполагающая решение проблемы национального неравенства. Согласно данной концепции нация рассматривается не как этно-

культурная или расово-антропологическая общность, а как гражданство, предполагающее устойчивую юридическую связь с государством независимо от национальной (этнической) принадлежности» [8, с. 94]. Можно констатировать, что в Российской Федерации постепенно формируется государственная политика, направленная на формирование единой российской нации, где именно гражданство является цементирующей основой, но никак не национальность.

Некоторые авторы суверенитет субъектов федерации жестко связывают с признанием за ними права свободного выхода из состава федерации. В частности, Б.А. Страшун и С.Ю. Кашкин утверждают: «Теоретически допустим суверенитет субъекта федерации, однако лишь в случае, если за этим субъектом признается право на одностороннее решение о выходе из федерации. Но и в этом случае, пока решение о выходе не принято, суверенитет субъекта федерации является как бы спящим, то есть существует лишь в потенции» [9, с. 674].

С такой позицией не соглашаются Р.В. Енгибарян и Э.В. Тадевосян: «Во-первых, расплывчатость, неопределенность используемых здесь формулировок о “теоретически допустимом суверенитете”, “спящем суверенитете”, “потенциальном суверенитете” не позволяет понять, являются ли действительно суверенными субъекты федерации, за которыми признается указанное право, или нет, ибо, с одной стороны, “спящий суверенитет” – все-таки суверенитет, а с другой – это не действительный, реально действующий, но лишь “потенциальный” суверенитет. Во-вторых, вряд ли правомерно смешивать сам суверенитет государства и ту или иную конкретную форму его реализации, а тем более устанавливать необходимую связь между ними. Сецессия, право на нее – это лишь одна из возможных форм реализации государственного суверенитета, но не сам суверенитет» [10, с. 20].

Указанные авторы в числе немногих ученых критически относятся к тезису об абсолютной несовместимости разных суверенитетов друг с другом на одной и той же территории. Смысл их рассуждений [10, с. 20] сводится к тому, что в федеративном государстве, субъектами которого являются суверенные единицы, на одной и той же территории такого субъекта одновременно действует и реализуется как суверенитет федерации, так и суверенитет соответствующего субъекта, не исключая друг друга, а сопрягаясь, совмещаясь, согласовываясь и дополняя.

Таким образом, концепция сочетания и взаимодействия суверенитетов в федеративном государстве не сталкивает друг с другом федерацию и ее субъектов, не противопоставляет их, но исходит из признания возможности, необходимости и целесообразности сочетания их правомочий, интересов и целей. И наоборот, ученые убеждены в том, что концепция непризнания возможности сочетания, совмещения двух суверенитетов на одной и той же территории неизбежно ведет, особенно в многонациональной стране, к неправомерному отрицанию права народов на свободный выбор государственных форм своего существования в рамках данной страны, к полному отрицанию даже ограниченной суверенности (в рамках федерации) республик (государств) – субъектов федерации, к усилению унитаристских тенденций и т.д., что способно на деле не ослабить, а усилить националистические и сепаратистские устремления.

Не менее запутана ситуация с идеей национального суверенитета с точки зрения международного права. Дело в том, что принцип самоопределения наций (народов) является одним из основных принципов международного права, а его становление приходится на конец XIX – начало XX века. Особенно динамичное развитие он приобрел после 1917 года в России (вспомним Декрет о мире и Декларацию прав народов России).

С принятием Устава ООН право нации на самоопределение окончательно завершило свое юридическое оформление в качестве основного принципа международного права. В частности, Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года конкретизировала и развила содержание этого принципа. Наиболее полно его содержание было сформулировано в Декларации о принципах международного права 1970 года, где говорится: «все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава ООН».

В современном международном праве имеются нормы, подтверждающие правосубъектность борющихся наций, но «субъектом международного права может быть признана только та нация, которая имеет свою политическую организацию, самостоятельно осуществляющую квазигосударственные функции. Иначе говоря, нация должна иметь догосударственную форму организации: народный фронт, зачатки органов власти и управления, населения на контролируемой территории и т.д.» [7, с. 52].

Таким образом, международной правоспособностью в собственном значении этого слова могут обладать не все, а лишь ограниченное число наций – не оформленные в государства, но стремящиеся к их созданию в соответствии с международным правом. По мнению юриста-международника П.Н. Бирюкова, «практически любая нация потенциально может стать субъектом правоотношений самоопределения. Однако право народов на самоопределение фиксировалось в целях борьбы с колониализмом и его последствиями, и как норма антиколониальной направленности она свою задачу выполнила» [7, с. 53].

Но в настоящее время право наций на самоопределение приобретает другой аспект, так как речь идет о развитии нации, уже свободно определившей свой политический статус. А это означает, что в нынешних условиях принцип права наций на самоопределение должен согласовываться с другими принципами международного права и, в частности, с принципом уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств. Иными словами, сегодня говорится уже не о праве всех наций на международную правосубъектность, а о праве нации, получившей свою государственность, развиваться без вмешательства извне.

В теории международного права [7, с. 53] предлагают различать права, которыми уже обладает нация (они вытекают из национального суверенитета), и права, за обладание которыми она борется (вытекают из государственного суверенитета). Суверенитет борющейся нации характеризуется тем, что он не зависит от признания ее субъектом международного права со стороны других государств; права борющейся нации охраняются международным правом; нация от своего имени вправе применять меры защиты против нарушителей ее суверенитета.

Декларация 1960 года была воспринята мировым сообществом неоднозначно. С учетом исключительного значения признания международным сообществом нормы, устанавливающей право народов на самоопределение, надо отметить, что оно одновременно высказалось против такого использования этого права, которое могло бы привести к нарушению единства и целостности государств.

Дальнейшее развитие формула Декларации о праве народов на самоопределение получила в двух международных пактах о правах человека (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах) 1966 года, также принятых Генеральной Ассамблеей ООН и затем ратифицированных подавляющим большинством государств. В указанных Пактах приведенная выше формула Декларации было дополнена нормой, в соответствии с которой все народы для достижения своих целей могут «свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования». Эту норму следует считать очень важной для понимания сущности права народа на самоопределение. Например, в принятой 27 июня 1990 года Верховным Советом БССР Декларации о государственном суверенитете в статье 5 было записано, что белорусский народ определяется как субъект права собственности на землю, недра, другие природные ресурсы, располагающиеся на территории Республики.

Значение Международных пактов о правах 1966 года не только в том, что они подтвердили и развили норму о праве народа на самоопределение. По мнению Б.С. Крылова [11, с. 150], их значение состоит в том, что они установили обязанность государств содействовать ее реализации. В части 1 статьи 1 обоих Пактов установлено: «Все участвующие в настоящем Пакте государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление несамоуправляющимися и подопечными территориями, должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

Можно констатировать, что современное международное право признает одновременное действие двух во многом противоречащих друг другу принципов – принцип права народа на самоопределение и принцип территориальной целостности государства. Как показывают события последних лет (Грузия, Испания, Канада, Россия, Сербия и др.), мировой практикой так и не решен вопрос установления необходимого баланса между интересами того народа, который стремится к самоопределению посредством выхода из состава государства, и интересами того народа или народов, которые остаются в его составе. Самопровозглашение Косова – самый яркий пример.

Очевидно, что национальный подход устройства мирового сообщества породил проблемы, которых человечество ранее не знало. Как тонко подмечает В. Акудович, «Гэтыя калізіі апынуліся невырашальнымі таму, што хаця ў справе гуртавання супольнасцяў Дзяржава і саступіла верхнасць Нацыі, аднак пазіцыі Дзяржавы заставаліся досыць моцнымі, каб у канфлікце супрацьстаяння з Нацыяй не толькі трымаць парытэт, але і раз-пораз перамагаць, гэта значыць, раскатваць Нацыю ў памер канфігурацыі ўласных межаў. Хельсінская хартыя аб непарушнасці існуючых дзяржаўных межаў, падпісаная кіраўнікамі ўсіх еўрапейскіх краінаў, у пэўным сэнсе засведчыла контррэфармацыйную перамогу ідэі Дзяржавы над ідэяй Нацыі» [12, с. 29].

В настоящее время усилия европейского сообщества направлены на то, чтобы найти оптимальное сочетание таких ценностей, как государственный суверенитет, право наций на самоопределение и права человека. Данную проблему Б.С. Крылов видит в следующем ракурсе: «Современная политическая мысль и государства-участники международного общения в принципе исходят из того, что государство может считаться суверенным только тогда, когда оно через свои органы государственной власти реализуют волю народа и когда его система управления демократична. Этот фактор имеет принципиальное

значение. Ведь если государство не опирается на демократически организованное общество, оно не может быть признано суверенным в том смысле, что оно не является носителем суверенитета народа, выражающегося в его праве самостоятельно определять свое будущее, свою судьбу» [11, с. 143].

Заключение. Результаты проведенного исследования позволили сформулировать понятие национального суверенитета следующим образом: *национальный суверенитет выражается в праве нации определять характер своего бытия, решать вопросы своей жизни, как внутренние (язык, письменность, обычаи, традиции, культура и т.д.), так и связанные с отношениями с другими нациями, народностями, созданием своих государств, национально-государственной (автономной) единицы или отказом от их образования, вхождением в состав какого-то государства или существованием в качестве независимого государства.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугачев, А.Н. Общая теория права: учеб.-метод. компл. для студ. юрид. спец. / сост. и общ. ред. А.Н. Пугачева. – Новополоцк: ПГУ, 2007. – 424 с.
2. Круталевич, В.А. На путях национального самоопределения БНР – БССР – РБ / В.А. Круталевич; под ред. В.Г. Гавриленко. – Минск: Право и экономика, 1995. – 138 с. – Сер. Общественно-политические науки.
3. Краснов, М.А. Толковый словарь конституционных терминов и понятий / М.А. Краснов, В.А. Кряжков. – М.: ОАО «Издательский Дом “Городец”», 2006. – 480 с.
4. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и фак. – М.: НОРМА, 2000. – 776 с.
5. Зиновьев, А.В. Суверенитет, демократия, государство / А.В. Зиновьев // Правоведение. – 2006. – № 6(269). – С. 20 – 28.
6. Гуреев, С.А. Процесс строительства правового государства в России и международное право / С.А. Гуреев // Право и политика. – 2002. – № 1. – С. 52 – 60.
7. Бирюков, П.Н. Международное право: учеб. пособие / П.Н. Бирюков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – 416 с.
8. Пастухова, Н.Б. Об особенностях становления и развития государственного суверенитета современной России / Н.Б. Пастухова // Государство и право. – 2007. – № 8. – С. 90 – 96.
9. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для юрид. вузов. Т. 1 – 2 / Г.Н. Андреева [и др.]; под ред. Б.А. Страшуна. – М.: БЕК, 1996. – 778 с.
10. Енгибарян, Р.В. О некоторых дискуссионных теоретико-методологических вопросах курса конституционного права / Р.В. Енгибарян, Э.В. Тадевосян // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 14 – 24.
11. Общая теория государства и права. Академ. курс: в 3-х т. – 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 1. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. – 528 с.
12. Акудовіч, В.В. Код адсутнасці. Асновы беларускай ментальнасці / В.В. Акудовіч. – Мінск: Логвінаў, 2007. – 216 с.

Поступила 06.09.2013

THE NATIONAL SOVEREIGNTY: HISTORY, THEORY AND PRACTICE

A. PUGACHEV

The phenomenon of the national sovereignty is investigated from historical, political, culturological positions. Speaks, owing to what reasons the understanding of a problem is complicated. Distinction between the terms “people” and “nation” is shown. The category “nation” is considered in a context of basic provisions of the Constitution of Republic of Belarus. The special importance of the correct solution of a question of the national sovereignty for federal states is noted, as an example experience of the Russian Federation is studied. Problems of a sovereignty of subjects of federation are presented in features of a context of international law. The question not solved up to now of the right of the nations on self-determination is staticized. Discrepancy of the fundamental principles of international law – the right of the people for self-determination and territorial integrity of the state is noted. The points of view of leading scientists which are engaged in this perspective are given.